

Фулканелли. Философские обители и связь герметической символики с сакральным искусством и эзотерикой Великого Делания / Фулканелли – М.: Энигма, 2003. – 624 с.

Эвола, Ю. Герметическая традиция / Ю. Эвола – М.; Воронеж: TERRA FOLIATA, 2010. – 288 с.

Arola, R. Los amores de los dioses. Mitología y alquimia / R. Arola – Barcelona: Alta Fulla, 1999. – 186 p.

Atienza, J.G. Diccionario Espasa: Alquimia / J.G. Atienza – Madrid: Espasa, 2001. – 502 p.

Concordancia mito-fisico-cabalo-hermetica. Barcelona: Obelisco, 2007. – 170 p.

Escobedo, J.C. Enciclopedia completa de la mitología / J.C. Escobedo – Barcelona: Ed. De Vecchi, 1972. – 516 p.

Fargas, A. Diccionario de Alquimia / A. Fargas – Madrid: Mandala, 2008. – 208 p.

Fernandez-Checa, J.F. Diccionario de Alquimia, Cabala, Simbología / J.F. Fernandez-Checa – Madrid: Trigo, 1995. – 418 p.

Kamala-Jnana. Dictionnaire de Philosophie Alchimique / Kamala-Jnana – Argentiere: Ed. Charlet, 1961. – 108 p.

Roob, A. Alchemy & Mysticism / A. Roob – Koln: Taschen, 2006. – 576 p.

Rulandus, M. Diccionario de Alquimia / M. Rulandus – Barcelona: Ed. MRA, 2001. – 272 p.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ

*К 195-летию со дня рождения И.С. Тургенева
125 лет со дня рождения Д.С. Мережковского*

Ф.Т. Ахунзянова¹

*Костромской государственной технологической
университет*

И.С. ТУРГЕНЕВ КАК МИФОЛОГЕМА В КРИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Литературная критика Д.С. Мережковского представляет собой особое смысловое и эстетическое единство, метатекст, находящийся внутри мегатекста всего его творчества, решая, как и иные произведения писателя, глобальную задачу построения «нового христианства». В процессе своей критической деятельности Мережковский использует индивидуально-авторские категории, позволяющие осмыслить особенности художественного творчества писателя, его жизнь и религию как некое нерасторжимое единство. Дифференциация творческих индивидуальностей писателей в критике Мережковского имеет во многом мифотворческую природу. Яркими примерами своеобразного критического подхода Мережковского являются его исследования творчества И.С. Тургенева.

Ключевые слова: русская литературная критика, Д.С. Мережковский, метод субъективной критики, творчество И. Тургенева, синтез Востока и Запада, Вечная Женственность, Иисус Христос.

¹ Ахунзянова Фаарида Тагировна – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и филологии Костромского государственного технологического университета (г. Кострома).

F.T. Akhunzyanova
The Kostroma State Technological University

**IVAN TURGENEV AS A MYTHOLOGEME
IN THE LITERARY CRITICISM BY DMITRY
MEREZHKOVSKY**

Literary criticism by D.S. Merezhkovsky is a special semantic and aesthetic unity, a kind of metatext inside the MegaText of all his work that solves, together with the writer's other works, the global task of building a «new Christianity». In the course of his critique, Merezhkovsky resorts to his own categories of a writer to reflect on a particular author's work, his life and religion as indissoluble unity. Merezhkovsky's differentiation of writers as creative individuals in his critique work is largely myth-making. Outstanding examples of Merezhkovsky's critique approach are his studies of Ivan Turgenev.

Keywords: Russian literary criticism, D.S. Merezhkovsky, the method of subjective criticism, I. Turgenev's literary work, East-West synthesis, the Eternal Femininity, Jesus Christ.

В современном литературоведении появилось достаточно много работ, так или иначе затрагивающих особенности литературно-критических исследований Д.С. Мережковского². Так, Ю.Р. Кричевская определяет критический метод Д. Мережковского как «синтетический», подразумевая под этим соединение злободневного прочтения творчества русских писателей XX века с

² В первую очередь можно назвать диссертационные исследования Ю.Р. Кричевской «Д.С. Мережковский и русская журналистика начала XX века» (М., 1996), А.М. Ваховской «Проза Д.С. Мережковского 1890-середины 1900-х гг.: становление и художественное воплощение концепции культуры» (М., 1996), А.В. Чепкасова «Неомифологизм в творчестве Д.С. Мережковского 1890-1910-х гг.» (Кемерово, 1999), Е.Г. Кабаковой «Динамика текстопорождения в критике Д.С. Мережковского» (Екатеринбург, 2001). Авторы названных работ касаются анализа критического наследия Д.С. Мережковского и высказывают свое мнение на эту проблему.

широким контекстом «вечных» философских проблем, и говорит о новой форме «эссе-исследования», соединяющей в себе литературоведческий анализ, публицистический пафос и религиозно-философскую направленность.

А.В. Чепкасов рассматривает творчество Д. Мережковского, включая и его литературно-критические работы, как единое целое, как художественный мир, в основе которого лежит его собственная религиозно-философская концепция, и считает, что Д. Мережковский выстраивает «глобальный мифологический «сверхсюжет», где все подчиняется единой универсальной схеме.

А.М. Ваховская говорит о творчестве Д. Мережковского с точки зрения концепции культуры, которую писатель выстраивает, используя весь культурный пласт настоящего и прошлого.

Заслуживает внимания большое и тщательное исследование Е.Г. Кабаковой, но ее понятие критики подразумевает под собой расширительное толкование. Она понимает критику не как литературоведческое, а как научное исследование в широком смысле слова, как оценку какого-либо явления. Это позволило ей включить в свою работу все произведения Д. Мережковского интерпретационного характера (такие, как публицистические работы, письма, дневники и т.д.)

Важной также является работа Е.А. Андрущенко и Л.Г. Фризмана «Критик, эстетик, художник», в которой исследователи признают как бесспорный тот факт, что в Д. Мережковском нельзя разъединять критика и писателя, что эти две ипостаси в нем навсегда слиты. Авторы статьи выделяют два аспекта в литературно-критической деятельности Д. Мережковского: во-первых, речь идет уже не о писательской критике, а о том, что позднее стало определяться как функциональный аспект изучения литературы, во-вторых, в работах Д. Мережковского силен аспект «социологический», поскольку он не мог, как справедливо отмечает исследователь, не видеть связей литературы с жизнью общества, с общественными проблемами и общественной борьбой и не осмысливать ее под этим углом зрения. В работе «Тайновидение Мережковского» Е.А. Андрущенко называет чертами его критического метода «дневниковость», когда автор, разрушая преграды между собой и читателем, говорил с собственных впечатлений, ощущениях, ассоциациях; особую исповедальную интонацию, располагающую читателя к сотворчеству, сопереживанию; широкие экскурсы в историю искусства и культуры и мимолетные отвлечения на злобу дня;

обращение к широко известным фактам общественной или культурной жизни как общему с читателем багажу, общему знанию.

Также обращает на себя внимание работа Я.В. Сарычева «Субъективная критика в системе теоретических и художественных исканий Д.С. Мережковского», где автор утверждает, что «критические работы Мережковского не есть только отражение объекта исследования, но прежде всего – обоснование смысла творчества вообще и оправдание своих религиозно-философских исканий и своего творчества в частности».

Таким образом, критика Д. Мережковского неотделима от его художественного творчества и основана на его религиозной философии. Однако мы все же хотим разобраться, в чем своеобразие именно критической мысли Д.С. Мережковского, в чем критические работы писателя отвечают его личному мировоззрению, что они взяли из своего времени и что почерпнули из прошлого, а также понять, чем субъективная критика отличается от классических образцов критических жанров.

Прежде всего, следует уточнить, какой смысл вкладывал Д.С. Мережковский в термин «русская литературная критика» и какой она ему представлялась. Заявляя, что «спор критики с поэзией давний и ненужный спор», критик утверждает, что «муза критики и муза поэзии – родные сёстры». Далее Д.С. Мережковский даёт следующее определение критике: «Критика есть оценка, но и сама оценка может быть, нет, должна быть ценностью, это и значит – критика должна быть творчеством, поэзией, так же, как поэзия должна быть глубочайшей мыслью о жизни, судом над жизнью – критикой» [Мережковский, 2007, с. 6].

Как видим, мыслитель предвосхитил современные споры о том, что представляет из себя критика – науку или искусство. Он придерживается мнения, что критика – это искусство, «поэзия поэзии» [Мережковский, 2007, с. 445]. Поэтому не случайно, что в начале 90-х годов Д.С. Мережковский выступает адептом «субъективной критики», противопоставляя её критике объективной, «научной», стремящейся «только к холодной, бесстрастной исторической достоверности» [Мережковский, 2007, с. 6]. «Метод субъективный есть метод творческий», – провозгласил писатель.

В своей программной работе «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (1893) Д.С. Мережковский, высоко оценивая отдельных писателей русской классической литературы XIX века, использует широко

распространенное в русской литературной критике смысловое клише и говорит об «отсутствии в России “литературы”», так как не видит взаимосвязи между литературными явлениями и в исторической перспективе, и внутри отдельных литературных эпох. Исходя из такой оценки русской литературы, критик подчиняет анализ произведений каждого конкретного автора четкой концептуальной установке: рассматривает его творчество как непосредственное проявление «раздробленности» литературной жизни. Отсутствие единства, неполнота присущи, по мысли Д.С. Мережковского, не только русской литературе в целом, но и произведениям русских литераторов, их художественной картине мира. Так, например, религиозные искания позднего Л. Толстого не согласуются с эстетикой его более ранних романов. «Бегство от культуры» Ф. Достоевского находится в противоречии с его новаторством в области художественного психологизма.

Творчество И. Тургенева, по сравнению с названными авторами, подвергается критиком более детальному рассмотрению. За более чем десятилетний период Мережковский кардинально меняет свое видение этого писателя: в каждой новой публикации о нем критика гораздо больше волнует некий мистериальный портрет Тургенева, нежели его конкретные произведения.

Поначалу Мережковский обращает внимание на жанровую многосоставность тургеневского творчества, оценивая ее отрицательно. Д. Мережковскому кажется, что центральное жанровое противопоставление в творчестве И. Тургенева (романы и «малая проза») носит искусственный характер. Романы Тургенева – это продукт «социального заказа», результат подчинения «утилитарной», внеэстетической тенденции в литературе: «Он [Тургенев. – Ф.А.] писал свои большие романы на модные общественные темы, на так называемые “жгучие вопросы дня”» [Мережковский, 2007, с. 459]. «Малая проза» Тургенева рассматривается Мережковским как смысловой «противовес» схематичным, тенденциозным романам. Эти произведения по своей художественной структуре мало связаны с романами, и, создавая их, Тургенев совершает «бегство» от пугающей его своим уродством реальности.

Романы, как доказывает Мережковский, тоже обладают художественной неполнотой в силу внутренней неоднородности образов. Если, например, мужские персонажи тургеневских романов создаются вне эстетической стихии и репрезентируют публицистический пласт творчества писателя, то женские образы, напротив, не имеют никакой связи с действительностью и

«пересекаются» с поэтикой «малой прозы». Однако впоследствии Мережковский все-таки усматривает ценность Тургенева-художника для литературы будущего, что во многом обусловлено собственными умонастроениями критика, связанными с утопическими чаяниями о русском мессианизме.

В это время он начинает отрицать все так называемые «сознательно» сконструированные идеологические и религиозные построения Достоевского. Уже в статье «Пророк русской революции» (1906) говорится о чрезмерной системности историософского мышления Достоевского, о его неправомерном стремлении дать законченные идеологические формулы «христианства». Ценность художественно-идеологических построений Достоевского, по мысли Мережковского, заключается в его «бессознательных» «прозрениях». Тургенев и Достоевский оказываются художниками, противопоставленными Мережковским по типу восприятия времени. Так, Тургенев медленно переживает содержание культуры, а Достоевский, наоборот, пытается ускорить исторический процесс, не замечая многих его существенных компонентов: «Не потому ли революция наша не удалась, что слишком было много в ней русской чрезмерности, мало европейской меры, слишком много Л. Толстого и Достоевского, мало Тургенева» [Мережковский, 2007, с. 304]; «Тургенев едва ли не единственный после Пушкина гений меры и, следовательно, гений культуры. Ибо что такое культура, как не измерение, накопление и сохранение ценностей» [Мережковский, 2007, с. 303].

С другой стороны, «ясновидец плоти» Толстой, которого Мережковский долгое время порицал за «бегство от культуры», получает более высокую оценку, чем в книге «Достоевский и Л. Толстой» в связи с тем, что критик переоценивает роль «инстинкта», интуиции в процессе эволюции культуры. Но и толстовский тип художественного постижения действительности не является для Мережковского эстетической и гносеологической нормой. В его представлении такую норму реализует в своем творчестве Тургенев, опираясь не только на интуицию («видение»), но и на идущее от «рассудка» многоплановое постижение мира «культуры» («консервирование культурных ценностей»).

В публицистических и литературно-критических статьях конца 1900-х годов эстетической картине мира Тургенева приписывается ряд признаков, близких типу постижения реальности в системе воззрений самого Мережковского.

В 1909 году Мережковский пишет очерк «Тургенев» и включает его в состав книги «Большая Россия» (1910). Творчество Тургенева, в согласии с представлениями Мережковского о мессианском предназначении русской интеллигенции, получает теперь религиозно-мистическую интерпретацию: «Нам казалось, что Тургенев – безбожник, что он покончил навсегда с религией вообще и с христианством, в частности...»; «По отношению к христианству не лицо Л. Толстого и Достоевского, наших богоискателей, а лицо “безбожного” Тургенева есть лицо всей русской интеллигенции, да, пожалуй, и всей западноевропейской культуры»³.

Примечательно, что и В. Розанов, подобно Мережковскому, также связывает в это время творчество Тургенева с идеей русского мессианизма. В статье «Возле “русской идеи”...» Розанов пишет, что западным читателям близко в русской литературе «женственное» начало как некий противовес европейскому «мужскому началу»: «... европейцы <...> увлекаются именно “женственностью” в нас... Ее ищут у Тургенева, у Толстого...» [Розанов, 1889, с. 320]; «Западным людям русская литература открыла эру нового нравственного миропорядка <...> Минувший год в Наугейме мне пришлось не самому слышать, но через третье лицо услышать рассказ о том необыкновенном и *исцеляющем* действии, какое русская литература производит на иностранцев, на американцев, немцев, англичан “в несчастии”, в “ломке жизни”, в “крушившейся судьбе”.

– Я не знаю, что у нее... Она постоянно печальна. Подолгу и часто она говорит со мной о русской литературе, больше всего о Тургеневе. Она знает мельчайшие его вещи, знает незаметные его афоризмы. И вот, как Тургенев *смотрит на жизнь и на человека* [курсив В.В. Розанова] – это неизъяснимо ее волнует, привлекает и, видимо, утешает, успокаивает» [Розанов, 1889, с. 322].

В тяготении «простого» (демократического) читателя к «женственным» образам русской литературы (и особенно тургеневским образам) Розанов видит симптомы будущего синтеза русской и западной культуры. Это активно сближает его взгляды с представлениями Д. Мережковского, который буквально грезил таким синтезом, одновременно воплощая его в своих работах, а позднее и в самом себе.

³ Мережковский Д.С. Тургенев. // Мережковский Д.С. Большая Россия. / Д.С. Мережковский. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://dugward.ru/library/merejkovskiy/merejkovskiy_turgenev.html.

В статье «Поэт вечной женственности» (1917) Мережковской трактует Тургенева уже при помощи мифологем, восходящих к его эротической утопии. В контексте последней Тургенев объявляется непосредственным предшественником Вл. Соловьева и его преемников – символистов: «От Петра и Пушкина <...> к Толстому и Достоевскому <...> идет линия нашего мужества, явная, дневная; а ночная — тайная линия женственности – от Лермонтова к Тургеневу <...> от прошлого к будущему – от Тургенева поэта к Вл. Соловьеву пророку, а от него и к нам». Иначе говоря, писатель объявляется предшественником мирового религиозного синтеза – «неохристианской» культуры [Мережковский, Пг., 1917, с. 67-77].

Вообще статья «Поэт вечной женственности» представляется наиболее интересной из всех работ Мережковского, посвященных Тургеневу. В ней критик пытается не только разглядеть черты мессианства писателя, но и придать им мистериальное звучание.

Так, ссылаясь на изданную слушательницами Высших женских курсов под руководством Н.К. Пиксанова книгу о Тургеневе («Сборник»: «Новые страницы, неизданная переписка, воспоминания, библиография»), Мережковский подробно пересказывает биографические эпизоды, свидетельствующие о «мелкости» и «серости» Тургенева: это и трусость во время пожара на пароходе, и некрасивая история с дворовой девушкой, и ссора с Толстым... Но для Мережковского это не повод усомниться в величии Тургенева, напротив, это способ показать мистериальный путь духовного преображения: «Он мал, как мы; он мерзок, как мы”. Нет, будем помнить, что “он мал и мерзок не так, как мы, – иначе”; глядя на куколку, будем помнить о бабочке» [Мережковский, Пг., 1917, с. 71]. Критик уверен: «Лицо человека – серая куколка, смертная личинка бессмертной бабочки – личности: надо умереть лицу, чтобы родилась личность» [Мережковский, Пг., 1917, с. 71]. И Тургенев своей жизнью подтверждает этот тезис. Каждой своей подлостью писатель умерщвляет свое «лицо», погибает как смертный земной человек, но при этом в каждом своем произведении растет как личность, преображается и приобретает «белые крылья бессмертной Психеи» [Мережковский, Пг., 1917, с. 71].

Подобный прием был им использован в дальнейшем в романе «Иисус Неизвестный» в описании самого Иисуса: «Имя, рождение, рост, жизнь, лицо, – все, “как у всех”», т.е. Сын Божий на протяжении тридцати лет ничем не отличается от любого человека. Д.С. Мережковский возражает тем каноникам, которые, практически

ни чего не сообщая о последующих годах жизни Иисуса, о Его детстве и юности, утверждали, что Христос – «сразу велик, сразу весь». «Нет, – пишет он, – не “с неба сошел” и не “сразу велик”: медленно растет, “возрастает”, “воспитывается”, “учится”, “исполняется премудрости”, “укрепляется духом”, “страдает”, “достигает совершенства”, может быть, не только в те тридцать лет, до явления миру, но и потом, всю жизнь, до последнего вздоха» [Мережковский, 1996, с. 91]. Кажется, что ни к чему достигать совершенства и мудрости Сыну Божиему, если Он по своей божественной сущности мудр и совершенен. Однако Д.С. Мережковский подразумевает иное: Иисус – не просто одна из ипостасей Бога, это *Бого-человек*, следовательно, каждый человек, может уподобиться Ему. Но, стремясь к перевоплощению, к Богочеловечеству, человек должен пройти долгий и трудный путь духовного преображения.

Синтез Востока и Запада, Вечная Женственность, Иисус Христос – только некоторые из мифологем Мережковского, посредством которых им выстраивалась его собственная мистерия. Подробный анализ этой темы еще предстоит автору настоящего сообщения. Однако даже такой поверхностный взгляд позволяет сделать вывод: при всей своей неоднозначности Д.С. Мережковский действительно в известной мере перевернул представление о русской критике, подчинив её другим идеалам, нежели, к примеру, критики 60-х годов XIX века. Его критические работы вызвали массу вопросов и продолжают служить предметом бурных дискуссий, однако никто еще о них не сказал лучше, чем сам Д.С. Мережковский: «Пусть я говорю не так, как надо, и не то, что надо, но я говорю не то, что все» [Мережковский, 2005, с. 54].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Мережковский, Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. / Д.С. Мережковский / Подгот. Е.А. Андрущенко. – СПб.: Наука, 2007. – 902 с.

Мережковский, Д.С. Тургенев / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Большая Россия / Д.С. Мережковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/merejkovskiy/merejkovskiy_turgenev.html.

Розанов, В.В. Возле «русской идеи»... / В.В. Розанов // Розанов В.В. Мысли о литературе / Вступ. ст., сост., комм. А. Николюкина. – М.: Современник, 1989. – 607 с.

Мережковский, Д.С. Поэт вечной женственности / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. От войны к революции. Дневник 1914–1917. / Д.С. Мережковский. – Пг., 1917. – С. 67–77.

Мережковский, Д.С. Собрание сочинений: Иисус Неизвестный. / Д.С. Мережковский / Редколл.: О.А. Коростелев, А.Н. Николукин, С.Р. Федякин. М.: Республика, 1996. – 687 с.

Мережковский, Д.С. Тайна трех. Египет – Вавилон. / Д.С. Мережковский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 556 с.